

Минькова Наталья Валерьевна

**Репрезентация смерти и коды позднесредневековой
«макабрической культуры» в социокультурной
реальности рубежа XX — XXI веков**

**Специальность 09.00.13 — философская антропология,
философия культуры**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии
ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Скородумова Ольга Борисовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Жукова Ольга Анатольевна
кандидат философских наук, доцент
Кочеткова Людмила Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский городской
педагогический университет»

Защита состоится 23 ноября 2010 г. в 16.30 часов на заседании
диссертационного совета Д 521.00.03 при ННОУ ВПО «Московский
гуманитарный университет» по адресу: 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5/1,
корп. 3, зал заседаний диссертационных советов (ауд. 511).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ННОУ ВПО
«Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «24» октября 2010

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000730119

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сковиков А. К.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется спецификой трансформационных процессов в обществе и культуре рубежа XX — XXI вв., сопровождающихся чередой объективно существующих и субъективно воспринимаемых кризисов. Смена мировоззренческих парадигм и отношение к самой постмодернистской парадигме как к погружению в хаос вследствие признания внутри себя равноправного существования различных мировоззренческих подходов, были восприняты как начало разрушения существующего порядка. Поиски нового фундаментального основания культуры и общества обуславливают востребованность исследования пограничных эпох и соответствующих им типов культуры с целью выявления выработанных и апробированных механизмов снятия напряженности, порождаемой пограничным характером эпохи. В связи с этим важной задачей философии культуры является выделение эпохи, находящейся в корреляции с современной эпохой по большему количеству оснований и по общности и глубине прорабатываемых проблем. К наиболее актуальным проблемам современности относится особенность рефлексии над проблемой смерти, охватившей различные уровни и сферы культуры. Анализ сущности, функциональных ролей репрезентации смерти, определение характера влияния данных образцов рефлексии над смертью на личность и общество, а также выявление тенденций ее трансформаций являются актуальными, поскольку отношение к смерти выступает индикатором преобразований, происходящих в индивидуальном и общественном сознании.

Особую актуальность приобретает исследование данной темы для современной России, находящейся в состоянии мировоззренческой неопределенности и испытывающей как влияние, с одной стороны, собственных традиций в виде возрождения Православия, а с другой — язычества, так и интенсивное внешнее культурное воздействие. Поиск ценностных ориентиров проходит в условиях активного внедрения образцов западной культуры, построенной на фундаменте философии постмодернизма, оказавшей существенное влияние на репрезентацию смерти.

Актуальность анализа репрезентации смерти в философском ключе продиктована также обилием эмпирического материала и сравнительно небольшим числом философских обобщений по теме.

Степень разработанности проблемы. Имеется значительное количество исследований по проблеме осмысления смерти в исторических типах культур и работ, анализирующих данную проблему с философских позиций в контексте культуры постмодерна. Массив литературы по проблеме осмысления смерти можно разделить на исследования с точки зрения исторического подхода и труды, анализирующие специфику определенных аспектов проблемы. Исследования понятия «смерти» и его социокультурного значения в историческом контексте предпринято в трудах Ф. Арьеса, М. Шенкао, С. Рязанцева, П. Гуревича, Т. Мордовцевой, А. Лаврина, Д. Ньюзнера,

Ф. Хуземана, Дж. Фостера, В. Янклевича, Лессинга. Отношение к смерти в период XIV — XVI в. и в частности феномен макабра (культурная идея, отражающая позднесредневековое видение смерти), а также предпосылки его формирования и влияния на последующие этапы в развитии европейской культуры рассматривают такие исследователи, как Й. Хейзинга, Ж. Делюмо, Ф. Арьес, М. Вовель, О. Новикова. Й. Хейзинга первым включает феномен смерти в контекст исторического исследования. В рамках средневековой культуры исследования темы смерти часто были связаны с анализом проблем демонологии и колдовства, понимание которых позволяет выявить особенности и функции репрезентаций смерти, в том числе и в современном обществе. Анализу данных проблем посвящены работы Ж. Бодэна, М. Саммерса, К. Томаса, Дж. Б. Рассела, Л. Торндайка. У. Монтера, А. Макфарлсона, Р. Мюшамбле, А. Амфитеатрова.

Исследования аспектов проблемы осмысления смерти в современном обществе представлены работами А. Демичева, Г. Ершова, Ж. Бодрийяра, П. Гуревича, М. Уварова, В. Розина, Ж. Делюмо, Л. Харт Ниббриг Кристиана, G. Gorey, J. Hulsman, Л. Балашова, Ж. Батая, С. Грофа, М. Кастельса, В. Сабирова, М. Ямпольского, М. Фуко, М. Мамардашвили. С позиций постмодернистской философии рассматривают отношение к смерти Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Барт, У. Эко, М. Фуко.

Важным аспектом темы диссертационного исследования является сравнительный анализ культур XIV — XVI и XX — XXI вв., обнаруживающих трансформации мировоззренческих парадигм и как следствие общие аспекты в мировоззрении. Анализ трансформаций современной культуры под влиянием идей постмодернизма в условиях постиндустриального (информационного) общества проводился в работах И. Ильина, В. Кутырева, В. Бычкова, Н. Хренова, Ж. Бодрийяра, М. Дери, Н. Маньковской, Г. Маркузе, В. Поликарпова, Э. Тоффлера, А. Флиера, М. Хевеши, Н. Осиповой, А. Шендрика, Е. Андреевой, А. Воскобойникова, О. Скородумовой. Психологические основы формирования современного социокультурного фона представлены в трудах З. Фрейда, К. Хорни, С. Жижека, Е. Торчинова, Э. Фромма, Р. Харриса, Э. Шострома, К. Ясперса.

Особенности позднесредневекового мировоззрения, характеризующегося амбивалентным отношением как к жизни, так и к смерти, позволяющим совмещать в пространстве культуры карнавал и макар, рассматриваются в исследованиях М. Бахтина, А. Гуревича, Р. Мандру, Л. Лядюри, К. Гинзбурга, В. Даркевича, Л. Баткина, П. Бицелли, Я. Буркгарда, Ж. Ле Гоффа. Обращение современной культуры к средневековым и архаическим культурным пластам анализировалось в работах как зарубежных исследователей: Ж.-Ф. Лиотара, М. Маффесоли, М. Маклюэна, Э. Дэвиса, М. Элиаде, Ю. Хабермаса, Й. Ратцингера, У. Эко, так и в трудах отечественных авторов: С. Неретиной, Д. Хапасовой, С. Илларионова, А. Чучин-Русова, В. Савчука, А. Гениса, А. Пелипенко, Т. Артемьевой, А. Демичева, М. Уварова, А. Костиной, М. Эпштейна, Ю. Давыдова, группы авторов:

С. Белковского, Р. Карева, В. Милитарева, А. Пензина, М. Ремизова, Ю. Солозובה, Е. Холмогорова.

Говоря о репрезентации смерти, необходимо осветить работы, касающиеся анализа специфики медиакультуры, а также воздействие СМИ на общество и личность. Эту сторону вопроса рассматривают А. Базен, Д. Белл, Р. Харрис, В. Беньямин, А. Кармин, М. Каган, Л. Коган, С. Кара-Мурза, М. Кастельс, А. Кукаркин, М. Маклюэн, А. Моль, Г. Маркузе, Ч. Пирс, Г. Почепцов, Е. Поликарпова, К. Разлогов, В. Савчук, Э. Тоффлер, З. Бауман.

Несмотря на значительное количество исследований по отдельным аспектам темы, специальных исследований по проблеме репрезентации смерти в современной культуре с позиций декодирования кодов «макабрической культуры» практически не наблюдалось.

Целью исследования является выявление в современной культуре рубежа XX — XXI вв. особенностей интерпретации образа смерти, функций и механизмов репрезентации смерти посредством кодов «макабрической культуры».

Из цели исследования вытекают следующие **задачи**:

- проанализировать философско-антропологические концепции осмысления современной социокультурной ситуации;

- выявить систему детерминант, определяющих заимствование кодов позднесредневековой культуры на рубеже XX — XXI вв.;

- проанализировать интерпретации категории «смерти» в социокультурном контексте, дать классификацию подходов;

- исследовать особенности исторической трансформации репрезентации смерти, выделить формы и динамику ее изменения;

- осуществить сравнительный анализ основных стратегий отношения к смерти в социокультурной реальности позднего средневековья и культуре рубежа XX — XXI вв.;

- проанализировать специфику кодов «макабрической культуры», экстраполированных на современную культуру, и выявить особенности их декодирования;

- исследовать социокультурные функции репрезентации смерти и особенности их реализации;

- выявить и проанализировать аксиологическую составляющую репрезентации смерти в социокультурной динамике.

Объектом диссертационного исследования выступает европейская культура рубежа XX — XXI вв., рассматриваемая с позиции дискурса смерти.

Предметом исследования является репрезентация смерти в социокультурном пространстве современности (рубежа XX — XXI вв.) на основе кодов позднесредневековой «макабрической культуры».

Гипотеза исследования. В работе выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что особенности социокультурной реальности рубежа XX — XXI вв., характеризующегося фундаментальными трансформациями миро-

воззренческой парадигмы и ощущением «конца истории», могут быть выявлены в результате рефлексии над категорией «смерти», что определяет необходимость обращения к кодам культур переходных периодов, содержащих апробированные компенсаторные механизмы. В этой ситуации востребованными являются коды позднесредневековой «макабрической культуры», которые легли в основу современной репрезентации смерти.

Методологическая и теоретическая основа исследования обусловлена содержанием и целью работы. Основу исследования составляют следующие методологические подходы:

— **компаративный** — в сопоставлении социокультурных реалий средневекового и современного общества;

— **диалектический** — при выявлении противоречивых черт в мировоззрении рассматриваемых периодов, в амбивалентности отношения к проблеме смерти, в анализе циклического характера динамики культуры, в отрицании предшествующего опыта и обращении к опыту, полученному в результате синтеза;

— **социокультурный** — для анализа социокультурной ситуации современности и выявления функциональной специфики репрезентации смерти в процессах социализации, идентификации личности в условиях кризисного состояния культуры и общества;

— **метод типологизации** — в выделении концептуальных подходов к осознанию современной социокультурной ситуации;

— **психологический подход** — в рассмотрении моделей психологических откликов на проблему смерти в соответствии с психологическим типом личности;

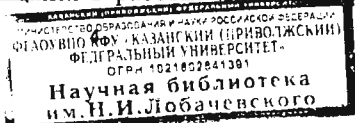
— **историко-ретроспективный** — в анализе культуры средневековья и рассмотрении отношения к смерти в разные исторические эпохи;

— **системный** — в рассмотрении каждой модели репрезентации в целостной системе, в выявлении зависимости модели от ее места и выполняемой функции в системе, в выделении тенденции ее развития;

— **функциональный** — в выявлении и рассмотрении кодов позднесредневековой культуры, и в частности моделей репрезентации смерти, в зависимости от выполняемых ими функций.

В качестве методологических оснований использованы следующие принципы исследования социокультурной ситуации. Анализ концептуальных подходов к определению современной культурно-общественной ситуации проведен с использованием терминологии А. Тойнби, определившего альтернативные варианты эпохи как ответ на ситуацию кризисного периода; обобщение тенденций в развитии культуры современного этапа и эпохи XIV — XVI вв. проводилось в соответствии с принципами культурной динамики, разработанной П. Сорокиным; раскрытие специфики репрезентации смерти в современной культуре проведено через базовые идеи постмодернизма.

В качестве теоретической основы диссертации рассматривается совокупность положений, содержащихся в работах Ж. Боллийера, А. Гуревича,

Ж. Делеза, Ж. Делюмо, А. Демичева, М. Уварова, З. Фрейда, Э. Фромма, У. Эко.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Показана возможность и плодотворность использования модели «архаизации» и «преображения» А. Тойнби при анализе философско-антропологических концепций к определению современной социокультурной ситуации.

2. Установлена совокупность социокультурных факторов, приводящих современную культуру к заимствованию мировоззренческих доминант периода XIV — XVI в. вследствие снятия установок эпохи модернизма и выявлены срезы позднесредневекового мировоззрения, задействованные современным общественным и индивидуальным сознанием.

3. Дана классификация подходов к смерти, представленная через отношение к смерти как к реальному событию («онтологическая смерть»), как к метафоре деструкции («смерть метафорическая») и как к симулякру онтологической смерти («симулятивная смерть»), представленному через репрезентацию смерти.

4. Рассмотрены исторические этапы трансформации репрезентации смерти через категорию «отчуждения» и через «смерть Другого», выявлен характер динамики репрезентации смерти и выделены следующие периоды, характеризующиеся сходством «симулятивной смерти»: XIV — XVI в. и рубеж XX — XXI вв.

5. Предложена типология позднесредневековых кодов репрезентации смерти, экстраполированных на современную культуру, и сделан вывод о наличии двух амбивалентных стратегий рефлексии над проблемой смерти в исследуемых культурах: «ненависти к смерти» и «экзгибирования смерти».

6. Проведен анализ выделенных стратегий через декодирование кодов «макабрической культуры» с учетом трансформационных процессов в мировоззрении и через базовые категории постмодернизма.

7. Выделены социокультурные функции репрезентации смерти: коммерческая, компенсаторная, идеологическая, проведен анализ особенностей и приемов их реализации в современной культуре. Предложены отражающие эти аспекты модели отклика на проблему смерти: отрицание, регрессия, замещение, реактивные образования.

8. Выявлены негативные особенности и тенденции репрезентации смерти и предложены способы снижения их деструктивной направленности.

Теоретическая значимость исследования связана с его научной новизной и состоит в проведенном анализе современной социокультурной реальности, вскрывающем срезы позднесредневекового мышления. Выявление сущности и функций современной репрезентации смерти, транслирующей посредством позднесредневековых культурных кодов апробированные механизмы снятия напряженности современной реальности, позволяет рассматривать репрезентацию смерти через призму регулирования социокультурных процессов, отражающих переходность культуры. Результаты исследования

имеют важное значение для осмысления особенностей ситуации рубежа XX — XXI вв., новых фундаментальных социокультурных и ценностных основ.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при чтении учебных курсов по таким социально-гуманитарным дисциплинам, как «Философия культуры», «История культуры», «Этика», «Эстетика», «Массовая культура», «Социальная психология», «Семиотика», в публичных лекциях и в работе с молодежью, а также при выработке современной культурной политики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подходы к осмыслению социокультурной ситуации, сложившейся на рубеже XX — XXI вв., определяющие трансформации мировоззренческой парадигмы в современной культуре, фиксируются в понятиях «новой архаики» и «нового средневековья». Конструктивна интерпретация данных подходов через понятия «архаизации» и «преображения», понимаемых как пассивная форма реакции на культурно-общественную ситуацию, предполагающая заимствование культурных кодов предшествующих эпох, и как активная форма поиска новых путей. Наиболее значимыми для анализа современной социокультурной ситуации являются культурные коды периода XIV — XVI в., которые выступают доминантой современного процесса архаизации.

2. На рубеже XX — XXI вв. наблюдается заимствование общественным и индивидуальным сознанием срезов позднесредневекового мировоззрения, детерминирующих репрезентацию смерти. Факторами актуализации данного процесса являются трансформации социокультурной ситуации вследствие снятия установок эпохи модернизма и установления базовых принципов постмодернизма в качестве социокультурных доминант, а также факторы, выступающие катализатором дискурса смерти: угроза экологического кризиса, глобализация, интенсификация и массовизация репрезентации смерти средствами СМИ.

3. Рефлексия над проблемой смерти обуславливает разработку различных подходов к типологизации отношений к смерти. Представляется возможным выделить в современной культуре следующих концептов отношения к проблеме смерти, характеризующееся переходом от абстрактного к конкретному: 1) смерть как онтологическое событие, осмысливаемое в философских подходах и концепциях через поиск его экзистенциального значения; 2) смерть как метафора, представление о которой основано на ее главной характеристике — конечности, обозначающей прекращение жизнеспособности какого-либо понятия, разрушение целостности; 3) смерть как симулякр, представленная в образах смерти и ставшая предметом символических интерпретаций.

4. Репрезентируемая смерть является отчужденной от человеческого бытия и выступает в качестве самостоятельного субъекта, выраженного в персонификации образа смерти или в качестве нарратива о смерти. Категория «смерти», как не имеющая реальной объективации, является полем для языковых игр и симулякром смерти. «Симулятивная смерть» всегда пред-

ставлена через «смерть Другого» и раскрывается в образах потустороннего мира, олицетворенной смерти и способах изживания страха смерти. Исторический анализ интерпретации «симулятивной смерти» показывает несравномерность и волнообразность ее динамики. Общие характерные черты репрезентации смерти, такие как приобретение характера дискурса, интенсивность, массовость, наблюдаются в период XIV — XVI в. и в современной культуре.

5. Компаративистский анализ культур XIV — XVI и рубежа XX — XXI вв. позволил выявить существование в одном культурном пространстве двух оппозиционных пластов: полной жизни, выраженной в карнавале, и смерти, воплощенной в феномене «макабра». В обе эпохи существование одного пласта не вытесняет существование другого, так как они обладают схожим свойством — двуми́рностью. Характерным является амбивалентное отношение к смерти, проявляемое в одновременности отрицания собственной смерти и потребности наблюдения за изображением «смерти Другого». Выработанные в период XIV — XVI в. формы репрезентации смерти были экстраполированы на современную культуру в кодах «макабрической культуры». Формы отрицания собственной смерти выражены через стратегию «ненависти к смерти», представленную двумя основными направлениями. Это эстетически осмысливаемая защита от смерти и практическая деятельность борения со смертью. Концепт «экзгибирования смерти» представлен в кодах «Пляска смерти», «Триумф смерти», «Театр тела», «Персонификация смерти».

6. Декодирование кодов «макабрической культуры» происходит с учетом временного разрыва между культурами, наложения новых смыслов, расширения возможностей интерпретаций, в условиях доминирования идей постмодернизма и разворачивания кодов в постиндустриальном и информационном обществе. Важными особенностями современной репрезентации смерти являются наличие дополнительных коннотаций, обращение к виртуальной реальности, осмысление глобальных проблем и результатов современных научных достижений, а также усиливающаяся коммерциализация.

7. Современная репрезентация смерти выполняет следующие, необходимые для стабильности функционирования социума и социализации личности функции: коммерческую, компенсаторную и идеологическую. Способы и характер реализации данных функций определяются спецификой социума и особенностями формирования личности. Их реализация предусматривает применение специфических приемов и предложение разнообразных моделей отклика на проблему смерти, соответствующих определенному типу личности потребителя.

8. Репрезентацию смерти в современной культуре отличают примитивность, деструктивность, тенденция к приумножению макабрической тематики и отсутствие нравственной рефлексии, несмотря на то что такие коды репрезентации, как «Пляска смерти» и «Триумф смерти» обращены к осознанию ценностной составляющей жизни. Снижение деструктивного влияния данной репрезентации смерти может быть осуществлено путем перевода ре-

презентации смерти на уровень философско-религиозного, экзистенциального осмысления.

Апробация работы. Основные научные положения диссертации были изложены автором на научных конференциях: XIII научной конференции аспирантов и докторантов Московского гуманитарного университета (Москва, 15 ноября 2008 г.), тема доклада: «Особенности формирования личности в системе образования XXI века: массовая культура и инициация зрелости»; XIV научной конференции аспирантов и докторантов Московского гуманитарного университета (Москва, 25 апреля 2009 г.), тема доклада: «Триумф Смерти» как сюжет экранной культуры»; XV научной конференции аспирантов и докторантов Московского гуманитарного университета (Москва, 21 ноября 2009 г.), тема доклада: «Экранная культура против «Основ православной культуры»: преподавание основ религиозной культуры в условиях доминирования магического мировоззрения»; VI Международной конференции «Высшее образование для XXI века» на секции «Высшее культурологическое образование» (Москва, 24 ноября 2009 г.); XVI научной конференции аспирантов и докторантов Московского гуманитарного университета (Москва, 26 апреля 2010 г.), тема доклада: «Особенности реализации социокультурных функций репрезентации смерти».

Материалы исследования были внедрены в учебный процесс кафедры общеэкономических и естественнонаучных дисциплин при чтении базового курса «Философия» и кафедры рекламы при чтении дисциплины специализации «Семиотика и семантика» в НОУ ВПО «Московский институт рекламы, туризма, шоу-бизнеса». Результаты исследования использовались также в учебном курсе «История мировой культуры», подготовленном на кафедре философии, культурологии и политологии ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет».

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 15 печатных работах, в том числе две — в научных журналах, рекомендованных ВАК.

Структура и объем работы. Структура и объем диссертации соответствуют целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, рассматривается степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цели, задачи и теоретико-методологическая база исследования. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту, раскрыта их научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Глава I — «Трансформации мировоззренческой парадигмы: замещения социокультурных доминант» — посвящена анализу современной социокультурной ситуации с позиции обозначения периода конца XX —

начала XXI в. как переходной эпохи, испытывающей трансформации мировоззрения. В условиях смены мировоззренческой парадигмы появляется потребность в задействовании кодов предшествующих периодов, содержащих выработанные механизмы осмысления кризисных периодов. Для современной культуры востребованными кодами явились культурные коды XIV — XVI вв. — переходной эпохи, также испытывающей трансформацию господствующей мировоззренческой парадигмы. Сходство данной эпохи с современной ситуацией проявляется в переходе от обусловленности мировоззрения моноидеями к плюрализму мнений.

В параграфе 1.1. — «Концептуальные подходы к осмыслению духовной ситуации рубежа XX — XXI вв.» — анализируются философско-антропологические концепции осмысления современной социокультурной ситуации. Поиск структурированной гомогенной и относительно стабильной системы социокультурных доминант выражается в следующих подходах к определению культуры постмодерна современного этапа: «новая архаика», «неопаганизм», «новая религиозность», «готическое общество», «средние века», «новое» и «новейшее средневековье». Автор исследования рассматривает подходы к осмыслению современной социокультурной ситуации через модели «преображение» и «архаизации».

Модель «преображения» как желательной динамики общественного развития выражена в концепции «Новейшее средневековье», понимаемой с позиций «Нового средневековья» Н. Бердяева, «идеалистической культуры» П. Сорокина и собственно «преображения» А. Тойнби. Модель «архаизации» выступает как средство избавления от духовной нестабильности общества через подражание предыдущим эпохам и представлена в концепциях «Новой архаики» (А. Чучин-Русов, В. Савчук, А. Демичев, М. Уваров, Т. Артемьева, А. Генис, Ж. Бодрийяр, М. Элиаде, Р. Барт), «Новой религиозности» (Ю. Рыжов), «Готического общества» (Д. Хапаева), «Нового средневековья» (первая половина) (У. Эко, Р. Вакка) и др.

Обращение эпохи постмодерна к ризоматической структуре, отказ от линейного понимания процессов обусловили возврат к кодам предшествующих эпох, из которых наиболее выраженные языческие и средисвековье. Современный процесс архаизации включает систему мифологического сознания, основанную на синкретизме, коллективности, принципе партиципации, эмоциональности, вере; возрождает мистические представления, одержимость потусторонним миром, апокалиптическое видение мира. В параграфе рассматривается вопрос о позитивных и негативных аспектах архаизации.

Проанализировав названные подходы, автор заключает, что культура постмодернизма объединяет в себе и архаические, и средневековые элементы и в определенной мере соответствует ситуации, возникшей в западноевропейской культуре в период с XIV — XVI в., в рамках которой возникла «макабрическая культура». Понятие «макабра», явившееся базовым понятием позднесредневековой культуры, включает перевод философской рефлексии над смертью на язык обыденности и кристаллизующее в выразительных об-

разах комплекс идей, связанных со смертью и умиранием. Особенности идеи «макабра» явились сосуществование мрачного интереса к смерти и мотива развлекательности, а также восприятие смерти в аспекте бренности земного мира, выраженного через тему «Пляски смерти», отражающей уравнивающую функцию смерти, и через мотив наблюдения за вызывающими ужас картинами истлевания и исчезновения. Коды культуры XIV — XVI в. оказались востребованными для осмысления проблемы смерти в современный период.

В параграфе 1.2. — «Заимствование социокультурных макабрических кодов современной культурой: условия и предпосылки» — вскрываются факторы, сопровождающие смену парадигм и приводящие культуру к заимствованию мировоззренческих позиций прошлого вследствие отрицания установок предшествующей эпохи.

Выделяются факторы трансформации мировоззрения и факторы-катализаторы дискурса смерти. Среди первых: кризис просветительского проекта культуры, базирующегося на центральных идеях приоритета разума и прогресса; кризис рациональности как попытки описать мир, детерминированный причинно-следственными связями, дать исчерпывающий ответ на тайны мироздания и быть средством решения общечеловеческих проблем; основания постнеклассической науки: отказ от прямолинейного онтологизма, релятивизм научного знания, симбиоз научного и нарративного знания; кризис идентификации как следствие влияния на личность разнонаправленных тенденций современности: процессов глобализации и индивидуализации, секуляризации и ремифологизации, отказ от предшествующей культурной модели и провозглашение плюрализма как базовой категории; доминирование установок постмодернистской философии. Данные факторы обусловили мировоззренческие трансформации на основе усвоения отдельных мировоззренческих идей и принципов эпохи XIV — XVI вв.

Автор выделяет две стороны проявления кодов средневековья в современной культуре: «внешнее средневековье» (непосредственный показ средневековья и использование его символики) и «внутреннее средневековье» (усвоение отдельных мировоззренческих положений). В параграфе выявляются и анализируются характерные мировоззренческие установки средневековья в современной культуре: синкретичность, герменевтичность, зрелищность и публичность. Синкретичное мировоззрение, названное диссертантом «мировоззрением фриульского мельника» (картина мира мельника Меноккио, восстановленная К. Гинзбург по материалам инквизиции XVI в., является отражением мировоззренческих установок эпохи), присущее анализируемым эпохам, предполагает соединение христианских, языческих европейских, восточных элементов и оккультных практик в одном культурном пространстве. Вскрываются предпосылки, обусловившие возможность этого синтеза, повлиявшего на построение новой картины мира. Автор выделяет и дает характеристику трехслойной картины мира, характеризующейся неоднородностью, способностью к изменениям и взаимопроникновению ее слоев,

отличающуюся синкретичным относительным субъективным временем, допускающим сосуществование различных типов восприятия времени. Представленная структура пространства и времени необходима для понимания базовых принципов репрезентации смерти.

На возможность экстраполяции средневековых кодов оказывает влияние постмодернистская установка восприятия мира как текста, подразумевающего применение к анализу культуры понятий деконструкции, интертекстуальности, иронии, цитатности, двойного кодирования, отсылающих к отношению к тексту в средневековье. Усвоение современным философским мышлением многих срезов позднесредневековой рефлексии связано с кризисом понимания однозначности бытия.

В параграфе выделяются также факторы, выступающие катализатором дискурса смерти как в XIV — XVI вв., так и в современности и ставшие условием репрезентации смерти в современной культуре в кодах «макабрической культуры». К ним относятся внешние факторы угрозы смерти как для индивида, группы, так и для человечества в целом, акцентирование на которых определяет психологический климат эпохи. Формирование подобного ощущения обусловлено войнами и угрозами войны, эпидемиями и природными катаклизмами. Важным фактором, способствовавшим разворачиванию культуры к дискурсу смерти, является широкое обращение к аудиовизуальным средствам распространения информации, воздействующим одновременно посредством образов и живого слова.

Глава II — «Смерть как социокультурная проблема» — посвящена определению подходов к проблеме смерти, выделению «симулятивной смерти», рассмотренной в исторической ретроспективе, раскрытию и компаративному анализу стратегий отношения к смерти, общих для анализируемых культур, и вскрытию механизмов функционирования дискурса смерти.

В параграфе 2.1. — «Классификация образа смерти в современной культуре» — предлагается авторская классификация подходов к осмыслению смерти: смерть «онтологическая», «метафорическая» и «симулятивная».

«Смерть онтологическая» определяется как феномен, остающийся за гранью познания, осмысляемый в рамках религии и философии и определяющий отношение к жизни и поиск ее смыслов. Акцентируется внимание на особенностях неклассической концепции смерти в постмодернизме. «Смерть метафорическая» обозначает подход к смерти как к метафоре, основанной на ее главной характеристике — конечности и обозначающей прекращение жизнеспособности какой-либо категории, разрушение ее целостности. Эта форма смерти стала значимой в условиях доминирования постмодернистской философии, где она выражена в понятиях децентрации, деконструкции, детерриторизации. Присутствует также тема «смерти субъекта», в лице автора, читателя, творца, личности и «смерти Смерти». «Симулятивная смерть» выделяется автором как попытка представления о смерти в контексте ее переноса в жизненное пространство. Категория «смерти», как не имеющая реальной объективации, явилась благодатным полем для языковых игр. Проблема

«присутствия» смерти в отсутствии объекта «смерть» решается через установление соотношения между онтологическим статусом первообраза и его отображением — через репрезентацию смерти.

На уровне обыденного сознания проблема смерти репрезентируется в образах самой смерти, места загробного существования, в образах обратимой смерти и коллективных способах переживания смерти в виде символического (в мистериях и инициациях) или симулятивного переживания через наблюдение смерти. В исследовании изображенная смерть рассматривается через понятие «смерти Другого». Рассматриваются его трактовки в философской мысли и делается вывод о переходе «смерти Другого» в статус объекта потребления.

«Симулятивная смерть» репрезентируется через категорию «отчуждение», как оторванная от субъекта смерть, как ее симулякр, выступающий в качестве самостоятельного субъекта (персонификация смерти) или в качестве нарратива (Теория нарратива Ж.-Ф. Лиотара) о смерти.

В параграфе 2.2. — «Симулятивная смерть», ее историческая ретроспектива» — раскрывается сущность «симулятивной смерти» в исторической ретроспективе. Анализируются формы отношения к смерти: олицетворение смерти, разработка пространства загробного мира, символическое переживание смерти, ведущие свое начало от Античности.

В параграфе акцентируется мысль, что проблема осмысления смерти, являясь важной темой на протяжении всей истории человека, проявляется с разной интенсивностью и характеризуется различной широтой охвата аудитории. Можно выделить следующие подходы: 1) тема смерти выступает пропорционально в отношении к иным темам; 2) игнорируется и проявляется лишь на периферии или в закрытых обществах; 3) наблюдается нарушение пропорции в освещении различных сторон жизни человека, и приоритет отдается теме смерти. К последней относятся культуры периода XIV — XVI и рубежа XX — XXI вв., общей базовой характеристикой которых является амбивалентное отношение к смерти. Обе культуры высказывают амбивалентность как по отношению к самой жизни, совмещая в едином культурном пространстве элементы карнавальная и «макабрической» культур, так и к самой смерти, что выражено в стремлениях отрицания смерти и ее наблюдения. Этим разнонаправленным стремлениям соответствуют противоположные стратегии в отношении к смерти, воплощенные в образах изображенной смерти — стратегия «*odium mortis*» («ненависти к смерти») и «экзгибирование смерти» — выраженные в кодах «макабрической культуры».

Глава III — «Особенности репрезентации смерти в культуре конца XX — начала XXI в. в кодах «макабрической культуры»» — посвящена анализу декодирования кодов «макабрической культуры» в современной репрезентации смерти с учетом отражения в интерпретации смыслов трансформационных социокультурных процессов современности.

В параграфе 3.1 — «Стратегия «*Odium mortis*» («ненависти к смерти») и практика ее реализации» — предлагается анализ совокупности

форм отрицания смерти, представленной двумя основными направлениями — как эстетически осмысливаемая защита от смерти и как практическая деятельность. Европейский человек воспитан на идеалах Просвещения и, несмотря на провозглашение постмодернизмом их краха, впитал в себя идеи самодостаточности человека как вида, определяющей роли разума в движении жизни, познании мира (раньше или позже) и возможности его изменения. Прочность этих идей отразилась на неприятии поражения перед смертью.

В пункте 3.1.1. — «Защита от смерти через ее эстетическое осмысление» — анализируются формы отрицания смерти, представленные в кодах «жажды жизни» и «отвращения старости». Многогранное определение «жажды жизни» раскрывается как «желание прекрасной жизни» (Й. Хейзинга) и «карнавализация культуры» (У. Эко). «Жажда жизни» отражает стремление создавать эстетические и презентационные формы жизненной среды, превращая повседневность в праздник, что связано с мыслями о смерти как препятствии обладания земными благами. Это выражается в поддерживаемой культурой и мифологизированном в стандартизированных образах стремлении обладать вещами, не имеющими функционального назначения, кроме презентационного. Другой формой отрицания смерти является карнавализация жизни, в которой в анализируемых культурах обнаруживается некое различие: если в средневековые карнавал открывал мир-перевертыш лишь на время, то в современной культуре карнавал не имеет временных границ и пронизывает все сферы общественной жизни.

Ненависть к смерти тесно связана с отвращением старости как живого портрета смерти, антителесности, антисексуальности и сломанной «машинной желанности». Жестокое отношение к старости в Позднем Средневековье, понимаемой как упадок духа и тела, коррелирует с современным к ней отношением. Технологическое развитие позволяет бороться со старостью как с атрибутом смерти, представляя старость как пережиток прошлого. Развитая коммерческая деятельность вокруг омоложения организма, настойчивое внедрение мысли о неприличности старости приводят к предложениям если не о внутреннем омоложении, то, по крайней мере, о внешнем. Вся индустрия направлена на удовлетворение потребности в здоровой молодости и выражается в культе эстетически безупречного тела. Отход от задаваемых культурой стандартов молодого тела означает выпадение человека из категории энергичных, успешных и желанных (моделированию «желанности» как признака сексуальности уделяется особое внимание) и выбрасывает его на периферию жизни.

В пункте 3.1.2. — «Отрицания смерти посредством практической деятельности» — осмысливаются направления по приложению практических усилий борения со смертью, представленных с учетом мировоззренческих позиций аудитории. Автором выделены два подхода: иррациональный подход представлен в форме ведовства, рациональный — в форме научно обоснованного (или наукообразного) поиска бессмертия.

Ведовство предстает в качестве практической деятельности по управлению жизнью и смертью. Рассматриваются факторы, повлиявшие на веру в колдовство в оба анализируемых периода, раскрываются различия в представлениях о ведовстве в народном и элитарном пластах, анализируются отношения Церкви и магических центров, взаимопроникновение элементов их обрядовых практик. Ведовство берет на себя как социальные функции урегулирования отношений между людьми, так и функцию науки, особенно медицинской, предоставляя альтернативу в лечении болезни, и борьбу со старением как признаком смерти.

Рациональный подход к практическому отодвиганию человеческого предела представлен в поисках бессмертия. Следствием торжества науки, техники, электронных технологий стало понятие возможности контроля над смертью, заменившее поиски островов бессмертных и волшебных снадобий. Этот взгляд породил трансформацию идеи бессмертия: возможность исправление судьбы, индивидуальные практики продления жизни. В данном пункте представлен анализ различных типов иммортализации, сосуществующих в рамках современной культуры. Выявлена особая популярность идей виртуального и практического бессмертия. Все виды иммортализации осваиваются в контексте экранной культуры.

Концепции бессмертия основаны на рассуждении о том, что человек, выйдя из-под власти естественного отбора, начинает сам изменять природу, и в этом он может развиваться бесконечно. Ожидание технологического прорыва в области практического бессмертия заполняется иными способами борьбы со смертью: активно осваивается тема реинкарнации в западном варианте как компромисс между жизнью и смертью. Наука предлагает решить задачу путем технологии, религия обещает бессмертие при перемене онтологического статуса.

В параграфе 3.2. — «Стратегия «экзгибирования смерти» в социокультурной практике» — автором представлен срез проблемы отношения к смерти, выраженный в сентенции *Memento mori* (помни о смерти) и в натуралистическом показе процесса умирания и мертвого тела, представленный в кодах «Пляска смерти», «Триумф смерти», «Театр тела», «Персонафикация смерти».

В пункте 3.2.1. — ««Dance macabre» («Пляска смерти»): сосуществование смерти и жизни в едином континууме» — проводится интерпретация кода «Пляска смерти», представляющего диалог живых и мертвых, понимаемый автором в широком смысле, и его смысловой и ценностной нагрузки в современной культуре. Сосуществование двух миров в едином континууме рассматривается через средневековые жанры церковной словесности «exemplum» («пример»), «visiones» («видения») и практику «vanitates» («суетностей»). Для введения осмысления потустороннего мира в современной культуре автором использованы «пример» и «видение», переводящие философско-церковный дискурс на доступный широкому массам язык. Рассмотрение репрезентации смерти через эти жанры получило теоретическое оправдание

посредством таких понятий философии постмодернизма, как хаос, децентрация, детерриторизации, взаимопроникновение массового и элитарного и постулатов неклассического подхода к смерти. *Exempla* и *visiones* воплощают определенный стиль мышления, не воспринимающего абстракции и обобщения, и оперируют материальными образами. «Пример» раскрывает результат временного пересечения поско- и потустороннего миров, опираясь на определенную социальную среду, типичные структуры и массовые стереотипы. Его смысл в доведении ценностных постулатов в обыденные примитивизированные зрелищные конструкции.

«Видение» привлекается для анализа интерпретации посмертного существования современной культурой, предложившей пластическую трактовку трехчастного загробного мира, с преобладанием осмысления пространственно-временной картине ада и чистилища, характеризующихся динамизмом и хаотичностью. Акцентируется предпочтение обращения к идее Чистилища, трансформированного в неопределенное, ограниченное пространство, практически копирующее земную жизнь. Делается вывод, что страх смерти и загробных мучений порождает желание перетянуть в загробный мир привычное пространство человека, узнаваемый топос.

Другим признаком постоянного присутствия смерти в жизни является практика сознательного напоминания о нем, выраженная в практике посещения кладбищ вне их функционального значения и распространения «суетностей». Современная тафофилия выражена в среде готической субкультуры и в виртуальном варианте (виртуальные кладбища). «Суетности» представлены символикой смерти на потребительском рынке.

Пункт 3.2.2. — «Триумф смерти» как характеристика коллективной смерти — раскрывает особенности кода «макабрической культуры» «Триумф смерти», выражающего идею непредвиденной насильственной смерти, в основе которой лежит несколько идей: идея о всемогуществе и абсурдности смерти, Апокалипсиса, Страшного суда и жертвоприношения. Главной его характеристикой является коллективность смерти, отражающая страх перед общезначимыми проблемами. Коллективная смерть, способная перечеркнуть личностные и общественные достижения и не зависящая от каких-либо показателей и характеристик личности, представлена в освещении локальных природных и техногенных катастроф, террористических актов и т.д. и рассматривается с точки зрения потери индивидуального отношения и личной значимости смерти, а также в качестве коллективной жертвы природе, технике или Случаю.

Самую высокую символическую отдачу имеет сюжет «конца света». Жертва части мирового сообщества или жизни вообще представляется более выгодным проектом, чем локальное жертвоприношение, так как космический страх сильнее индивидуального телесного страха гибели. Корни страха перед масштабными разрушениями находятся и в самих мифологических системах, где зафиксированы как события о прошлых катастрофах, так и пророчества о грядущих, так или иначе связанных с обновлением мира. В мифологических

системах акцентируется положение, что часто катастрофе предшествуют кризисное состояние мира, потерявшего изначально данную высшими силами чистоту, и определенные знамения, поэтому тема Апокалипсиса особенно настойчиво звучит в переломные для общества времена, когда старая культурная парадигма расшатывается, а новые фундаментальные принципы еще не выработаны. В общественных процессах и природных явлениях фиксируются знамения гибели, начинается обращение к пророческим источникам, а на рубеже XX — XXI вв. к ним примыкает и научное сообщество с прогнозами экологических и техногенных катастроф. Наблюдение за смоделированным концом света, по мнению автора, вызывает психологические переживания неизбежности смерти, удовлетворяет стремление человека к Танатосу и по сравнению с индивидуальной смертью снимается одиночество в смерти.

В пункте 3.2.3. — «Театр тела» — репрезентация смерти через категорию «телесности» — через категории «телесности» и «жестокости» анализируются формы наблюдения за натурализованной смертью, демонтажем и деконструкцией тела, «эротизация» смерти. Поворот к телесности характерен для анализируемых эпох: в XIV — XVI вв. он был связан с переоткрытием человека, в постмодерне — с проникновением в философско-культурологическую мысль фрейдизма, постмодернизма и других психофизиологических материалистических учений, вынесших категорию «телесности» вместе с понятием «сексуальность» в культуру в качестве главных принципов. Анализируя код «Театр тела», автор данного исследования выделяет натурализацию и эротизацию смерти как признаки трансформации смерти в объект потребления.

Диссертантом раскрываются смысловые уровни понятия «натурализм» в культуре анализируемых исторических периодов. Деструкция плоти в средневековье была не только в виде образов, но и в реальности. Стремление в удовлетворении потребности подсматривать за смертью не могло превысить «потенциал» реального человеческого тела. Современный потенциал характеризуется некоторой избыточностью: замена реального тела на его симуляцию из физических материалов или на виртуальный образ допускает не только деструкцию плоти, но и ее деконструкцию. Демонтаж и деконструкция тела возможны через понимание тела как текста, автором которого является Природа или Бог.

Другой формой «Театра тела» является «эротизация» смерти. Смерть представляется движимой жадной наслаждения и наделенной эротическими символами. Этот аспект демонстрирует связь двух стремлений человека — Эроса и Танатоса, где, с одной стороны, эротика, являющаяся важным и ярким символом жизни, контрастирует со смертью, давая прочувствовать полноту бытия, с другой — удовлетворяет комплексную потребность человека, поскольку два процесса: умирания и интимной жизни — исторически скрывались от посторонних глаз.

В пункте 3.2.4. — «Персонификация смерти как материализация образа врага» — анализируются особенности представления образа смерти в виде определенного персонажа. В период XIV — XVI в. смерть стала самым устойчивым персонажем, изображавшимся в нескольких вариантах, претерпевавшим трансформацию в зависимости от его перехода от нейтральности по отношению «добро-зло» к отнесению к дьявольскому миру. Отмечается, что современная культура воспринимает смерть как полностью негативное явление и представляет в символике смерти множество звероподобных существ, представляющих все стихии и миры. Смерть как чудовище легко уничтожается. В случае нематериализованной смерти ставится задача в ее материализации с последующим уничтожением с помощью технических достижений человечества. В этих сражениях человек как существо, обладающее разумом, неизменно одерживает победу. Персонифицированная смерть требует иных способов сопротивления смерти. Обладание человеческим разумом и человеческим телом предоставляет специфическую модель поведения в актах борьбы со смертью, а именно, учет личностности — страстей и желаний, присущих исключительно человеку. Персонификация Смерти дает возможность общения с ней на равных, использование методов уговора, соблазнения, обмана, игры с «человечностью». Часто смерть выступает комическим персонажем, что согласуется с карнавальным мироощущением, когда страшное для реального мира превращается в веселых персонажей. Любой персонифицированный образ смерти выступает как результат материализации врага с целью физического с ним борения.

В параграфе 3.3. — «Социокультурные функции репрезентации смерти и особенности их реализации» — выявляются социокультурные функции репрезентации смерти, особенности и приемы их реализации.

Настойчивое внушение мысли о смерти как «со-жизненным» событию и постоянной угрозе смерти, по мнению автора, выполняет в обществе и культуре несколько функций, главные из которых — коммерческая, компенсаторная и идеологическая, наряду с развлекательной и функцией антидиснефикации.

Обращение культуры к смерти выполняет коммерческую функцию двумя путями: 1. Удовлетворяет стремление человека к Танатосу и поднимает рейтинг транслятора. Повышенный спрос на проблему смерти рождает разнообразные предложения, делающие смерть главным мотивом зрелищ, часто переступающих нравственные рамки в ее интерпретации. 2. Спекуляция на проблеме смерти: запугивание болезнями, эпидемиями, несчастными случаями и катастрофами и предоставление средств защиты от негативных факторов, ведущих к преждевременной смерти. Таким образом, смерть в эпоху постмодернизма является массовым товаром, приносящим прибыль. Учитывая разнообразие подходов к проблеме смерти, затрагивающих почти каждого, можно говорить о широкой и разноплановой аудитории потенциальных потребителей.

Выполняя компенсаторную функцию, репрезентация смерти предстает в нескольких аспектах: компенсирует недостаток знаний о смерти, бессилие перед смертью, избавляет от психического напряжения и дает выход бессознательным импульсам. Автором выделены отражающие эти аспекты модели отклика на проблему смерти, соответствующие определенному типу личности потребителя: отрицание, регрессия, замещение и реактивные образования.

— Модель «отрицания» основана на сентенции «смерти нет», в контексте которой смерть представляется помещенной в конец долгого жизненного пути как естественное свойство организма. Тип целевой аудитории составляет истероидная личность, характеризующаяся жадой внимания к своей персоне, демонстративностью поведения, ставящая себя в центр. Путь отрицания определен стратегией «ненависти к смерти».

— Модель «регрессии» вытекает из невозможности получения достоверного знания о смерти и его необходимости и выражается в обращении к предыдущему опыту осмысления смерти. Модель удовлетворяет спрос аудитории внушаемого типа, склонной к мистике и суевериям, а также нацелена на верующих и выражается в коде «Dance macabre», утверждающем наличие жизни после смерти.

— «Замещение» предполагает перенесение деструктивных импульсов и страхов смерти на другие объекты и выражается через «смерть Другого» («Триумф смерти» и «Театр тела»). Акцентируется двуаспектность модели замещения, поскольку, с одной стороны, здесь срабатывает механизм катарсического воздействия, призванный освобождать человека от аффектов при сопереживании действию, и механизм снятия агрессии у возбудимых, склонных к насилию личностей (без патологии); с другой стороны, «смерть Другого» выступает как ресурс наслаждения и удовлетворения.

— Модель «реактивных образований» воплощает механизм защиты, предполагающий демонстрацию поведения, прямопротивоположного внутреннему состоянию. Глубокая боязнь смерти и мысли о ней блокируются бравадой по отношению к ней, выражаясь в средневековом карнавале и современных играх со смертью: ее персонификация, представление смерти в нелепом виде, отражающем несвойственные ей характеристики, шутовская борьба со смертью. К этой же аудитории относится и тип личности, считающий неприличным и неестественным упоминание смерти, и тем более ее развешивание на показ.

Автор диссертационного исследования заключает, что в зависимости от выбора, предоставляемого репрезентацией смерти в культуре, бессилие перед смертью компенсируется различными способами.

Репрезентация смерти выполняет идеологическую функцию. Задачи общей социализации личности решаются средствами трансляции СМИ знаний, образцов поведения и сознания рационального или иррационального типа в зависимости от целей системы. Постоянное ощущение угрозы смерти формирует невротическую личность, разрывающуюся между необходимостью

действовать, планировать жизнь и страхом ожидающей ее насильственной смерти. Систематическое запугивание приводит к интеллектуальному и нравственному торможению активности индивида и его личностного роста. СМИ создают ложную реальность, насыщенную агрессией, угрозой. Растерянный от постоянных угроз и психически неустойчивый человек становится объектом манипуляции и податливым материалом для наделения новыми ценностями и целями. Такой человек будет выполнять социальный заказ — быть идеальным потребителем, неактивной, неиндивидуализированной, без претензий на изменение мира социальной единицей. В этом пункте «культура большинства» совпадает с «культурой для большинства» как объекта манипулирования. «Большинству» импонирует размеренность, предсказуемость жизни, и, как следствие, оно принимает предложенную модель поведения. Безусловно, общество не может существовать без идеологии, без связующего ее стержня. Фундаментальные принципы постмодернизма показали свою неспособность выступать в роли основания новой идеологии. Особенно остро проблема социокультурного кризиса ощущается в современной России. Отказавшись от ценностей предыдущей эпохи, игнорируя факт взятия на себя советской культурой воспитательных функций церкви и заимствование христианских нравственных принципов общечеловечности, и не выработав новых ценностей, российская культура позаимствовала западные ценностные установки, вызвав, таким образом, к жизни дискурс смерти. Для России сегодня необходим новый идеологический дискурс, и, по мнению автора исследования, наиболее приемлемым вариантом является христианский.

В параграфе рассматриваются приемы репрезентации смерти, нацеленные на конкретную аудиторию: многократное повторение, прием свидетельств, привязанность к узнаваемым местам, апелляция к большинству, апелляция к авторитетам, упрощение, использование типажа, применение технических средств для имитации реальности.

Анализируются возможные социокультурные последствия и тенденции репрезентации смерти. Отмечается примитивность и деструктивность репрезентации: смерть низведена до уровня повседневности и интегрирована в обширный мир игры. Призыв к смерти обесмысливает и обесценивает жизнь, тиражирование смерти подменяет естественные для цивилизованного культурного человека способы реагирования на смерть другого человека. Опасность данного явления видится в возможности переоценки ценностей. В отличие от контактов с настоящей смертью в прошлом, медиа-смерть не вызывает нравственной рефлексии, напротив, человек становится менее чувствительным к смерти, порог реагирования снижается. Просматривается тенденция к приумножению макабрической тематики, акцентированию на потустороннем, жестокости, кровавости, натурализации смерти. В разумных пределах следует обращаться к теме смерти для выработки иммунитета. В «повседневном» изображении смерти есть и позитивный момент, суть которого можно изложить, прибегнув к рассуждениям М. Монтеня, предлагаю-

щего лишить смерть загадочности, размышляя о смерти больше, чем о чем-либо.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и обсуждаются его перспективы.

Автор заключает, что социокультурные трансформации современности обусловили развитие культуры по пути «архаизации», где в качестве доминанты этого процесса послужили коды европейского средневекового периода XIV — XVI в., и спецификой которого явился мировоззренческий анархизм. Экстраполяция культурных кодов «макабрической культуры» была обусловлена рядом социокультурных факторов, явившихся следствием отрицания предыдущей культурной модели и ее базовых идей. Нестабильность в обществе и сознании личности, характерная для обеих эпох, вызвала массовость и интенсивность репрезентации смерти. Сходство социокультурной ситуации обусловило экстраполяцию выработанных и апробированных средневековым форм репрезентации смерти на современную культуру, представленных в амбивалентных стратегиях «ненависти к смерти» и «эксгибирования смерти». Существование репрезентации смерти в медиа-культуре оправдывается выполняемыми ею функциями, выполняющими задачу социализации личности в современном обществе, через перенаправление деструктивных агрессивных и некрофильских импульсов человека в мир символического и через снижение страха смерти. Это становится причиной прогнозируемого поддержания эксплуатации данной тематики. Однако следует перевести репрезентацию смерти с количественного на качественный уровень — уровень философско-религиозного, экзистенциального осмысления.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях диссертанта:

1. Минькова Н.В. Амбивалентность отношения к смерти во Второе Средневековье и в массовой культуре постмодерна // *Знание. Понимание. Умение*. 2010. №1. С. 209–213 (0,5 п. л.).

2. Минькова Н.В. Формы репрезентации смерти во втором средневековье и их экстраполяция в массовую культуру // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. 2010. № 155. С. 111–114 (0,5 п. л.).

3. Минькова Н.В. Средневековая конструкция пространства-времени в современной культуре // *Вестник Российского философского общества*. 2010. №2 (54). С.169–173 (0,3 п. л.).

4. Минькова Н.В. Dance macabre (Пляска смерти) в современных жанрах «exempla» (пример) и «visiones» (видения): диалог живых и мертвых в массовой культуре // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. Вып. 117. М. : Социум, 2010. С.138–144 (0,45 п.л.).

5. Минькова Н.В. Четыре составляющие стратегии odium mortis: жажда жизни, ведовство, отвращение старости и практическое бессмертие //

Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 117. М. : Социум, 2010. С.145–151 (0,5 п.л.).

6. Минькова Н.В. Средневековый «Театр тела» в деструктивных телесных играх постмодерна // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 120. М. : Социум, 2010. С. 44–54 (0,7 п. л.).

7. Минькова Н.В. Социокультурные функции репрезентации изображенной смерти // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып.120. М. : Социум, 2010. С.55–66 (0,8 п. л.).

8. Минькова Н.В. Особенности формирования личности в системе образования XXI века: массовая культура как инициация зрелости // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 98. М. : Социум, 2008. С. 113–117 (0,38 п. л.).

9. Минькова Н.В. «Триумф смерти» как сюжет экранной культуры // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 115. М. : Социум, 2010. С.78–82 (0,35 п. л.).

10. Минькова Н.В. «Лебедь, рак и щука»: РПЦ, государство и массовая культура в борьбе за молодежь (взгляд практика) // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 116. М. : Социум, 2010. С. 144–149; [Электронный ресурс] URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Minkova_NV.pdf (0, 4 п.л.).

11. Минькова Н.В. Влияние принципов постмодернизма на интерпретацию образа смерти в массовой культуре // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 2. С.112–114. (0,23 п. л.).

12. Минькова Н.В. Персонификация смерти как тактика борьбы с врагом // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2 (33) : в 2 ч. Ч. 1. С. 38–39 (0,24 п. л.).

13. Минькова Н.В. Некоторые причины проникновения элементов культуры западноевропейского средневековья в культуру конца XX – начала XXI веков // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 118. М. : Социум, 2010. С.54–60 (0,44 п. л.).

14. Минькова Н.В. Особенности реализации социокультурных функций репрезентации смерти // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 119. М. : Социум, 2010. С. 100–108 (0,52 п. л.).

15. Минькова Н.В. Философия сервиса и трансформация духовных потребностей в современном обществе: этический аспект // Философия сервиса: проблемы теории, истории и практики: Межвузовский научный сборник. Вып. 1. М. : Экон-Информ, 2008. С.123–127 (0,36 п. л.).

Подписано в печать 19.10.2010 г. Заказ № 1105
Формат 60х84 1/16. Объем 1,4 п. л. Тираж 100 экз.
Издательство ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1.

